

Зерна

Только то, что "не на часі", может коснуться истории в темноте.

*Погромщик, выглядящий как революционер, бумага, тушь, 15X20 см, 2016**

Пусть все это останется зернами каких-то манифестов. Пускай каждый из этих манифестов присутствует в этих записях как возможность, независимо от того, прорастет ли, состоится ли он когда-нибудь или нет.

Надо повторять. В этом месте и в это время остается лишь повторять, вбивать как гвоздь. Все перевернут, вырвут из всей аргументации какие-то клочки, будут со стеклянными глазами жевать их, а после "призовут к диалогу", – не попадайся на этот крючок, не разъясняй и не оправдывайся, повторяй.

Повторю это: В темноту. Со всей решимостью сделать шаг в историческую темноту – это ответ эпохе. Восстание и война приводят на порог темноты. Просветительское намерение, социальная критика, дух разумного исправления приводят на этот же порог. Зайди без какой-

либо страховки, через какое-то время, возможно, начнешь ориентироваться, появится чуткость слепого. Ищи в исторической темноте, шарь руками. Позволь бросить себя в темноту как в воду, так чтоб осталось тонуть или плыть.

Здесь появляется беньяминовский ангел истории, несущийся в вихре истории спиной вперед: "Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас – цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам".

Свяжем свои доверчивые шаги вперед в темноту со стремлением к холодной и светлой ясности прошлого. Эдакий фонарик, который светит лишь назад и лишь когда ты идешь вперед. Вот "критический музей", просветительский, ледяной, а вот горячая темнота, из него истекающая.

Публичность украинская накренилась и, что было с краю справа, сползло в освещенный центр – спасибо, не каждому поколению достается рассмотреть ультраправые дела в деталях, прямо посреди тарелочки. А что было на левом краю – то осыпалось во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубов. Левые, недобитые постсоветские левые, доходяги-материалисты, худосочные просветители, тонкокостные гуманисты. Как там за краем? Как темнота? Различаете ли вы самих себя? Поздно ли бояться?

Крестьянин, бумага, тушь, 15X20 см, 2016

Еще повторю: Подлинное высказывание возможно лишь в не-время.

Только то, что "не на часі", может коснуться истории в темноте. Вот жизнь, прожить которую оказалось не ко времени, жизнь, закатившаяся в прискорбный промежуток, в щель между половицами. Вот права и свободы, в ту же щель провалившиеся. Вот бесприютное высказывание, проехавшее остановку. Пусть это станет принципом – радикальная несвоевременность.

Еще: Я давно ловлю себя на чувстве крайней несправедливости того, что универсализм могут позволить себе без угрызений совести и прочих препятствий лишь интеллектуалы (пост)имперских стран. Что они могут самым свободным и естественным образом обращаться к универсальным темам, что их законный удел – квир, космос, воскрешение мертвых и всемирное сестринство. А вы, интеллектуалы и художники стран (пост)колониальных, будьте добры, залечивайте и снова раздирайте исторические раны, проблемами национальной самотождественности озаботьтесь, историей репрессий, виной и ответственностью. Им, имперским – универсальное, а тебе – раскапывать расстрельные ямы своего народа. Я вижу свою задачу в том, чтоб сшить этот разрыв, положить конец ему – в расстрельных ямах

своего народа найду я универсалии. Да, раскапывай, лезь в эти ямы! Сначала – вот неожиданность! – обнаружишь, что не только твоего народа эти ямы, что там интернационал, что кости перемешались безвозвратно. Встретишься с разнообразием позиций и взглядов закопанных: Сандармохская ассамблея, Быковнянский парламент. Копая дальше, встретишь квир и космос, равенство и универсализм.

И еще: Отказ от благих намерений. Пусть в основании новой поэтики будет отказ от благих намерений. Потом соотнесем это с "критикой", "активизмом" и "просвещением", с тем, что умеем. О, результаты ослепят нас!

Горожане, бумага, тушь, 15X20 см, 2016

Возьми одну из советских "антимодернистских" книжек. Не "Кризис безобразия", не мерное тархтение диалектической машинки Лифшица, а что-то в духе "Антиискусства", "Разрушения образа" или "Экспрессионизма в искусстве", эдакие догматические увещевания, где голос чтеца должен повышаться от строки к строке. Последняя, "Экспрессионизм" – самая трогательная. Экспрессионисты там – последние в "буржуазном модернизме", кому уделили роль искренне заблуждавшихся. Потерявшие дети, которым своевременная гибель не дала повзрослеть, то есть стать "врагами". Издательство "Наука", казенно-синий

конь Франца Марка на казенно-коричневом фоне, восемьдесят копеек, 1978 год, Ирина Сергеевна Куликова.

Возьми книжку и вставь "я" во все пассажи, где советский искусствовед-мамка жалеет заблуждавшихся модернистских деток. Споткнись, сбейся на придурковатую комедию.

В послевоенный период в моем творчестве преобладают религиозно-мистические сюжеты.

Основываясь на инстинкте и интуиции я занял позу пророка, якобы способного средствами живописи "поднять" действительность до уровня "космической всеобщности". Но социальная реальность, от которой я отвернулся, быстро взяла свое. Характер моего творчества менялся в соответствии с изменением социально-политических условий в стране. Столкнувшись лицом к лицу с острейшим социальным конфликтом, я потерял самообладание. В моих письмах сквозит полное отчаяние. Все мои философско-идеалистические выкладки разбиваются о нерушимую, с моей точки зрения, стену социальной необходимости подчинения существующему строю, оказавшемуся гибельным для меня лично.

Действительность предстает в моих работах в виде непонятного, необъяснимого, непреодолимого хаоса. Почти физически ощущается бессилие автора, чувство обреченности перед лицом надвигающейся личной катастрофы. Ни в чем и ни в ком я не вижу опоры.

И здесь, на пороге войны, не хочу или не могу я осознать социальные мотивы, увидеть конкретные политические силы, толкающие народы в ужасающую, бессмысленную бойню. Я пытаюсь укрыться от социальных невзгод в мир формотворчества.

Война внесла полное смятение в мое сознание. То я осознаю неправильность своих прежних взглядов и ищу опору в учении о социализме, но воспринимаю его весьма абстрактно: "Я социалист до глубины души, но не социалист-практик" - пишу я в одном из писем. То виню себя и свое окружение за пассивность: "Мы все виноваты в этой войне".

Ощущая свою творческую беспомощность, я пытался переложить вину за нее на плечи своего народа, о котором до сей тяжелой поры даже не вспоминал. Только перед лицом социальной катастрофы ощутил я жизненную необходимость связи искусства с народом. Мысль о художнике-мессии была мной забыта.

Согласно идеалистическим теориям, на которые я опирался, я отрывал "духовные" проблемы от их материалистических основ.

Большая часть моих произведений, не отображавших адекватно действительности, лишена в значительной мере познавательного значения. В них не раскрываются в коммуникативной форме реальные противоречия капиталистического общества, калечащие человека.

Моя теоретическая близорукость, неумения разобраться в социальных противоречиях моего времени, блуждание в конструкциях буржуазной идеалистической философии, привела меня практически к социальной изоляции.

Отсутствие высоких позитивных социально-эстетических идеалов помешало мне выйти на контакт с передовыми силами моего времени. В решающий момент начала борьбы с фашизмом всего прогрессивного человечества я отказался, устранился от борьбы с социальным злом, с черной реакцией, и этим подорвал свои творческие силы.

В моем творчестве сильной стороной была критическая часть, направленная против реакционного буржуазного искусства. Позитивная же часть носила несколько абстрактный характер, свидетельствующий о неясности моих собственных социально-эстетических идеалов.

И дальше, дальше.

** Здесь и далее рисунки Никиты Кадана из цикла "Хроника"*